

***Уважаемый, дорогой Николай Максимович!
Примите поздравление с 75-летием! Светлого вдохновения,
добра и радости! Будем нести в жизнь позитив, здоровое
мышление, справедливость, благородные поступки и улыбку!***

Николай Максимович Ольков – родился в 1946 году в селе Афонькино Тюменской области. Окончил Литературный институт СП СССР. Автор нескольких десятков книг прозы, публицистики и краеведения. Наиболее полное издание – пятитомник в «Российском писателе» (2018). Отдельные произведения отмечены всероссийскими и международными премиями: П. П. Ершова, В. И. Белова, «Имперская культура». Живёт в селе Бердюжье Тюменской области.

Красная Поляна

Сказ

– Любо да мило смотреть на родные наши места, сколько годов живу, а не могу насладиться. До чего же всё по порядку: и речка, и озерки кругом, всё рыбное, едовое. И луга заливные, когда снегов много, с высоких мест стекает водичка в низину и в речку, а та в разлив – особая, видать, страсть: раскинуться, плечи расправить, заодно и камыш со всякой всячиной вычистить. Два холма по ту сторону деревни, издавна зовут их Женские Груды, понятно, в деревне не особо выбирают красивые выражения, но издали они очень похожи, ежели мне память не изменяет. Та сторона, что к деревне, летом в зелени разнотравья, для молодняка разного подкашивают люди, а задняя лесом прикрылась, так вот, заведено ещё в старые времена, чтобы тут дерево не трогать. Каждый год обходил лесник и помечал, какие берёзки, осинки и сосенки убрать можно. Зато ягоды в первых лесочках – какую душа желает: и клубника, и костянка, и смородина с ежевикой. Там подале и мокрые места есть, любители забираются вглубь за клюквой и прочей вкусностью.

Предки наши распахали столько землицы, что даже, сказывают, такую вольницу допускали: четвертину оставляли отдыхать, не засевали, а летом, после сенокоса, пахали на другой ряд. Великая от того выгода была, сам-два хлеба снимали, во как! Правда, потом поизвелось это, но крестьяне помнят, через родичей, само собой.

Я зовусь Антоном Николаичем, вечный колхозник, стахановец, краешек большой войны захватил, словил осколок фугасный, но не глубоко, вытащили, дырку зашили, я уж и позабыл. Да, попал в путние войска и звался гвардейцем, а потом и в колхозную жизнь пришло это звание, вручили мне вместе с другими достойными значок «Гвардеец пятилетки». Проня Волосатов тоже получил, поглядел и хихикнул:

– Лучше бы на бутылку дали.

Тут меня и прорвало:

– Ах ты, сука реможная, да за гвардейское звание люди головы сложили, и в этом значке частичка от того, что у меня на майском костюме, а ты его...

Ну, и врезал по роже, своротил чего-то, тот в милицию, а там тоже путние люди бывают, сказали ему, чтобы благодарил за слабое наказание. Короче говоря, побывал и в гвардейцах трудового фронта. А вот до орденов не поднялся, хотя парторг пару раз обещал, если тысячу гектаров за осень вспашу на «Кировце» или полторы тысячи тонн хлебов намолочу за уборку. Понятно, что не только за ордена я старался, платили заманивающе, жить хотелось лучше, но парторг, не к ночи помянутый, орден-то зажал.

Хочу рассказать вам, как мужики наши от погибели перестроечной уходили. В самом начале перестройки я на пенсию оформился, поскольку стаж у меня был без перерывов, акромя отлучки на

борьбу с фашизмом, учитывая мой гвардейский труд и хорошую зарплату, положили мне ежемесячно 132 рубля. Я уж теперь и сам не могу точно сказать, к каким сегодняшним деньгам это можно приравнять, но жила семья моя в полном достатке. И вдруг помимо перестроечных разговоров начались новые дела, каких прежде не было. Например, председатель колхоза, никого не спросив, увозит на колбасу три машины бычков с откорма. Машины не наши, грузчики не наши, а бычки свои, родные. Ребята у нас в правлении сидели не самые трусливые, наутро к председателю в кабинет, он с порога:

– Если вы по бычкам, то это за долги.

Мужики в пузырь:

– Какие такие долги, ты три месяца назад отсчитывался, и всё было чика в чику.

– Не было никакой чики, просто вас не хотел волновать.

Мужики напирают:

– А мы ребята не слабонервные, зови бухгалтера, пусть она нас взволнует.

Вошла Крестинья Васильевна, как увидела правленцев – с лица спала, помушнела даже:

– Да, долги банку, налоговой, в фонды. Вам же всего не объяснишь.

И зарыдала.

А мужики наши кроме обмана ещё женских слёз не переносят, слабеют сразу. Разошлись, но с той поры слово «долги», как колокольчик, звенело там и сям.

Потом районное и областное начальство приехало, собрали правление и сказали, что колхоз завяз или погряз в долгах по самые крайности и надо немедленно его распускать и создавать крестьянские хозяйства. Ну, что фермеры Россию прокормят, об этом каждый вечер напоминали по телевизору. Ребята выслушали всех и ушли, не прощаясь. А потом засели у Володьки Надцонова, целый день не выходили из избышки, полмешка пельменей изварили и съели, а к водке не прикоснулись, сразу договорились.

Что решили? Сказывали мне после ребята, что договорились прогнать всё начальство, а что ещё осталось из имущества – поделить по-честному. Понятно, что речь прежде о технике. Бумажки-то о паях имущественных и земельных у каждого были. И объявили ребята сход всех крестьян, и нашего брата, пенсионера, тоже зовут, я так морокую, что больше для поддержки аплодисментами или шумнуть в нужном месте. Другой-то пользы не предвиделось. Председатель колхоза у нас с фамилией Ежовкин, Денис Кириллович. Мы едва привыкли, а попервости, как ему слово дают, в зале кто чихает, кто кашляет, только чтобы не захохотать, потому что во всём колхозе его иначе как Ежопкиным не называли. Вот и попробуй тут усиди, да если ещё настроение весёлое. И отчего он эту фамилию не переменял, мог и на бабину записаться, когда женитьбу оформлял. Денис Кириллович тоже пришёл, недовольство высказал:

– И что вы собираетесь обсуждать? Колхоз подведён под банкротство, какие могут быть разговоры?

Володька Надцонов молодец, вперёд вышел:

– Это ты правильно сказал, председатель: подведён под банкротство, кому-то это шибко надо. Только мы не позволим. Проходите, товарищи, в зал.

А сам на сцену запрыгнул, встал над столом, как будто вечно там его место, и откуда что берётся!

– Прошу девчат из бухгалтерии, с кем договорились, садиться вон за тот стол и подробно писать, кто что будет говорить. Этот документ нам нужен как охранный грамота. Вы же видите, что вокруг колхоза, как стая голодных волков по весне, кружат людишки не нашей масти. Кружат – стало быть, обещано им, только время надо выбрать. А мы не дадим им этого времени! Не дадим! – заорал Володька, да так громко, я аж вскинулся. И зал без репетиций: «Не дадим!» И так славно получилось, прямо как в телевизоре.

Вставали мужики и бабы и прямо говорили, что овечек прошлой ночью машину увезли, что молодняк поросят в тёплую машину загрузили, один бородатый с наганом пугал свинарок и велел им помалкивать.

На трибуну залез зав зерновым складом, фигура в колхозе большая, а сам Ефимка росточком не вышел, его и в армию браковали.

– А сёдняшним днём, дорогие товарищи коммунисты...

– Ефим Кузьмич, нет тут коммунистов, ты о чём?!

– Как это нет? – встал вчерашний парторг Владимир Тихонович. – Как нет, когда мы, коммунисты, объединились...

– Товарищи! – закричал Владимир. – Товарищи дорогие, оставьте политику в покое, и так от неё спасу нет. Мы решаем колхозный, хозяйственный вопрос, про партийность ни слова. Продолжай, Ефим Кузьмич.

– Так вот, сегодняшним днём подошли к складу три больших машины, вроде даже пострашней «Камазов», с прицепами, и товарищ председатель на своей иномарке...

– Не на своей, а на колхозной!

– Знамо дело, что на колхозной. Говорит, отворяй ворота, будем грузить. Я слышу, от него хорошим вином отдаёт, и отвечаю: «Денис Кириллович, сие есть семенное зерно, это я вам как завскладом докладаю, если вы подзабыли. И шевелить его при такой погоде до тепла нельзя. К тому же нет у вас требования, как по форме положено, нет накладных». А он ко мне подошёл, за куфайку взял и дыхнул прямо в рожу: «Открывай склад, огрызок, а бумаг я тебе к вечеру целый мешок привезу!» Вижу, дело серьёзное, а ключи-то у меня в сторожке спрятаны, сам едва нахожу, и метнулся я меж складов, я же в пимах с калошами, а Денис Кириллович в штиблетах. Пробрался, вымок по самые кокышки, прости господи, но убёг и у кумы Дуси замаскировался. А надежда на то, что сразу после уборки велел председатель приварить к складским воротам мощные запоры и внутренние замки вставить иноземного происхождения, так что без ключей им в склад не попасть. Вот такой мой доклад.

Зал загудел, я тоже что-то кричал, можа, и не к месту, но шуму много было. И тогда Владимир встал над столом:

– Надо прения открывать по сообщениям, и первое слово председателю.

Ежовкин встал:

– Про свиней и овец ничего не слышал, так что комментировать не буду. А рассказы Ефима Кузьмича можно день и ночь слушать, он после бражки из избушки такие сказки рассказывает, что не переслушать. У меня всё.

И вышел в ближнюю дверь. Владимир в президиуме взволновался:

– Товарищи, надо нам в пять минут принимать решение, потому что Ежовкин уже сейчас стучит в милицию или куда повыше. И загребут нас за милу душу.

– Дак ты предлагай!

– Общим голосованием, закон соблюдём.

– Надцонов, объяви, как договорились.

Владимир спрыгнул в зал. Его трясло от волнения, голос звенел, но мысли в порядке.

– Мы вчера с мужиками обсудили и предлагаем собранию колхоз наш распустить, а всё имущество, технику прежде всего, раздать согласно паёв в крестьянские хозяйства, мы уж тут определились, кто с кем будет работать. А что касается скота, нам сейчас его не сохранить, да и осталась-то сотня хвостов. Давайте поручим Владимиру Тихоновичу, он человек грамотный, к тому же партийный, пусть грузит остатки и везёт на мясокомбинат. А выручку поделим, тут много ума не надо. Значит, завтра в семь утра все у мастерской. Только прошу, мужики, ведите себя, если пошло наперекосяк – не зlobьтесь, пригласите стариков, они рассудят. Всё, собрание закрыто. Девчонки, тащите протокол, я подмахну для порядка.

* * *

Теперь про Володьку, Владимира Игнатьевича Надцонова. Годков ему не много, только, если человек толковый, это сразу видно. Роста среднего, в плечах убедительно смотрится, лицом в мать нашибат, красивый. Волосы как после армии отрастил, так и зачёсывает назад крутой волной. Взглядом серьёзный и голос командирский, это точно со службы, раз сержантом пришёл.

Дед его Никанор, царство небесное, был человеком партийным и активистом, с молодости ударился в эту политику, в родном селе колхоз создавал. Сказывали старики, что он недолго уговаривал, прежде всего как бы молебен отслужил по старой жизни, предупредил, что с завтрашнего дня об ней надо позабыть. Потом вкратце обрисовал всю картину: скот сдать, инвентарь сдать, землю всю в колхоз. Робить так же, как и единолично, только государство будет забирать хлеба, молока и мяса сколько ему потребно. А себе что останется. Противиться не советовал, потому что после разговор совсем другой: на голые сани всей семьёй и на Север. Доходчиво объяснял. За одну ночь колхоз образовал. Вплоть до войны любил на собраниях речи держать, и хоть времена были жестковатые, выпады классовых элементов сносил спокойно, никуда не жаловался. Даже когда Касьян, сосед, укорил, что самолично Никанор свёл со двора последнюю корову, а потом двое его ребятишек замерли с голодухи, Никанор, говорят, ответил, что корова эта спасла десятки пролетарских детей, а это для страны важнее всего. И всё. В конце собрания обычно напоминал: «Что тут промеж нас... разговоры либо споры – не дальше этого порога. Узнаю, кто состукал, – найду способ вослед каторжному отправить».

И обходилось. Колхоз скучковался, стали привыкать, работали, как вроде своё хозяйство, и стало выходить. И на трудодень начисляли хлебишко, крупы, масло подсолнечное, ударникам отрезки ма-нуфактуры к праздникам. А тут война. Конечно, всё пошло наперекосяк. Но не об том речь. Никанора забрали на фронт, там и остался. Отец Владимира Игнат вырос на отрубях да на картошке, столь тошно было после войны. И опять выпрямились. Он едва семилетку в школе отсидел – на курсы трактористов, не успел десятины вспахать – Советская армия призывает, а служить было почётно. Настолько, что бракованные ребята сутками сидели в военкомате: «Заберите хоть в стройбат, ведь нам в деревню позорно возвращаться, и девки сторониться станут, слух пустят, что порченый».

Отслужил Игнаша, женить надо, и невеста через два дома живёт, Мария. Колхоз к тому времени окреп, стал помогать молодым дома ставить. Игнашка не в последнем числе, тоже лес дали строевой, пилораму брёвна распустить – пожалуйста. Шифера колхоз вагон закупил, чтобы всех желающих обеспечить, цемента на фундаменты вагон россыпью, после разгрузки все мужики наголо побрились, такой хороший цемент попал.

Дом построил – ребятишки пошли. Ведь тогда всё желанное было. Про любовь как-то не шибко я разговоров слышал, но плодился народишко со страшной силой. Вроде вчера в лавке видел бабу, нормальная, через время встречаю – с брюхом. Нарочно пошёл по улице из краю в край, день нерабочий, вчера дождь хлестанул. И что ты будешь делать – каждая вторая баба в тягостях. Колхоз ясли открыл, их там – гим гимзит, позвали меня, чтобы повыше заборчик сделал, а то сбегают. Среди них, должно быть, и хороводил бойкуший парнишка Володька Надцонов.

В соседях жили, всё на виду, в старших классах начались у Володьки проблемы. Видишь ли, папу Игнашу с понтальгу сбил своячок, муж родной сестры. Пока она на курсах продавцов обучалась торговому делу от нашего сельпо, прилепился к ней учёный мужичок из городского института. Короче говоря, охмурил девку, и стал наезжать к своячку вроде просто из уважения, а увозил полный багажник окороков, яиц, сала, масла и прочего, что всегда было и не выводилось в кладовках и холодильниках жены Игнашиной Марии. Хрен бы с ним, с продовольственным запасом, но при загрузке багажника, в порядке расчёта, свояк убеждал Игнашу, что Володя должен окончить среднюю школу, и место в институте ему обеспечено, в чём он, свояк, уверял, поудобнее укладывая в багажнике коробки и пакеты.

После этого отец отлавливал Володьку из любой игры и любой компании, приводил домой и выкладывал из потрёпанного портфеля все книжки: «Учи!» Учиться Володьке вовсе не хотелось, ему было интересно с отцом на тракторе хоть с часик посидеть, а потом и батю подменить, пока он в обед колхозные щи хлебал да котлеты уминал. Осенью с уроков убегал, к батиному комбайну подходить боялся, так крёстный Андрей выручал: посадит на колени, показывает, какой рычаг для чего, какая лампочка о чём сигнализирует. Быстро нахватался Володька и однажды, пока отец в тени берёзки косточки из компота вылавливал, заскочил в кабину, газанул, на валок вырулил и включил молотилку. Игнат вроде за ним, а кум поймал за сапог:

– Посиди, он круг даст, сюда же подъедет. И не рычи, я его подучил. Хороший механизатор будет, зря гонишь.

Какой толковый крёстный Володьке достался! А дотяни они всей семьёй парня до института, там бы пятилетку промаялся, приехал с дипломом экономиста и через год спился бы. Я не на пустом месте такой прогноз сочиняю, а из опыта колхозной жизни, у нас три экономиста кончили увольнением за пьянку, а четвёртый до того досчитал сальдо с бульдой, что отваживались в Лебедёвке, есть там такая больница, где лечат людей, когда ум за разум запрыгивает. Зато тракторист из Володьки получился знатный.

Да что тракторист! А парень какой! Не одна девка в деревне по нему сохла, а он, словно евнух, никакого интереса, даже в клуб не ходил, если кинокартину не привозили. Отец уж переживать начал, малой вон и то без девок не ходит, и сёстры каждый вечер прихорашиваются, хоть и соплячки ещё. Я же рядом живу, всё на глазах. В баню как-то к ним попал, в своей каменка развалилась, на неделю работы. Парились все вместе, присмотрелся к Володьке – нормальный мужик! Сам себя успокоил, отцу ни слова, чтобы лишний раз занозу не шевелить.

Приехала к нам новая экономистка. Скромненько так одета, пальтишко серенькое поношенное, сапожки не первой свежести, да худющая, едва не светится. «Ну, – думаю, – и эта ненадолго, закладывает, видно, вишь, пообносилась». Ну и брякнул это при Володьке. Тот меня за малым не пришиб.

– Как, – говорит, – у тебя, старого, язык повернулся! Сирота она, на одну стипендию жила, специально в колхоз попросилась, а её в институте оставляли.

А я себе думаю: ежели ты такими сугубо интимными сведениями располагаешь, стало быть, глубоко в ейную оборону пробрался, первому встречному девчонка про судьбу не скажет. Оказывается, правильно я мыслил, вечером перед Октябрьской привёл Владимир девчонку в отцовский дом, а я раньше был приглашён на чашку чая. Вошли, девчонка глаза в пол, смотрю: личико-то округлилось на деревенском провианте, да и пальтишко новое, хоть и не креп-жоржет какой-нибудь. Стесняется, мать подсуетилась, отец втихушку плюху сыну, почему не предупредил. Девчонка пальтишко сняла, Володя подсобил, вижу – что есть прикасаться боится. Кофтёнка и юбочка на ней приличные, сапожки под порог поставила, мать уж носки тёплые тащит. Села, надела носочки, а ножка маленькая, Нюрка и Шурка, сестрёнки Володины, близняшки, в седьмом, а лапища...

– Вот, мама и папка, и ты дед Антон, знакомьтесь, это Веста, наш экономист и секретарь комсомольской организации.

Тьфу ты, господи, куда его несёт! Причём здесь партия и бухгалтерия?! Не иначе на смотрины привёл, а стушевался.

– Пришли мы, мама и папка, и ты дед Антон, познакомьтесь, потому что мы с Вестой решили пожениться и просим вашего согласия.

Что тут началось! Меня изо стола вычкнули, мать в морозилку за фаршем и пельменями, отец рубаху чистую побежал надевать, Нюрка с Шуркой на стол метут, кучу тарелок, сервиз называют, из горницы приволокли, протирают. Через пять минут на столе чин чинарём, и выпить, и закусить. Я вроде в двери, Володя меня остановил:

– Садись, дед Антон, раздели нашу радость.

Девка вроде чуток успокоилась, ручки уже не трясутся, слёзки высохли. Что они, слёзки в эки годы, так, водица, это я нынче, ежели всплакну, да слеза на рубаху сорвётся – успокаивай сам себя и бери иголку с ниткой. Ни один материал не дюжит. Ну, это к слову. Отец речь сказал, выпили, девушка только ко рту поднесла. Отец поправил:

– Надо бы, дочка, первую-то выпить, так положено.

А она глазёнки на него вскинула:

– Простите меня, только я никогда даже капельки в рот не брала. Простите.

А ведь и это любо. Шарахни она сейчас полную рюмку, крикни да закуси солёным огурцом, я бы вмиг жениха в сенки выдернул и шепнул: «Володька, положи, где взял. Если нагресил – извинись, если не ты первый, то и без того обойдётся». Сидим, закусываем. Отец слово берёт:

– Это хорошо, ребята, что вы к родителям пришли за согласием, за благословением, как раньше. Только ты, дочка, без обид, имя своё объясни, оно из старины или как?

Девушка губки платочком вытерла:

– Мы из староверов, жили в северном районе, в тайге. Отца моего в лесу сосной захлестнуло, собиралась община ещё один дом поставить. А мама так страдала, что ушла на могилу тятину и померла. Меня добрые люди пригрели, а потом приехала милиция, они всё золото искали двоеданское, и меня забрали как беспризорную, хоть я и в семье жила. Сказали, что такой закон. И отдали в детский дом. Там меня Веркой звали, а как паспорт стала оформлять, записала имя, данное при крещении. Только если вам не нравится, я перемену на любое. Но Володе шибко глянется.

Тут Мария не вытерпела:

– Дочка, а как же ты в институте училась, без поддержки-то?

Веста впервые улыбнулась:

– Что теперь вспоминать? Стипендия, девчонки помогали, если у меня денег нет, а они что-то готовят, конечно, за стол посадят. Одежду, да, привозили подружки своих младших сестёр, и обувь, и пальто, и платья. Гордыня – грех, потому брала с благодарностью. Я всё за книжками сидела, училась хорошо, диплом с отличием получила. Оставляли на кафедре, в аспирантуру, а там зарплата чуть больше стипендии. Попросилась в деревню, приехала, а тут Володя.

Мать фартук от лица не отнимает, отец платком все глаза исшоркал, я тоже берегусь, чтобы слезинка рубаху не прожгла. Какая судьба выпала девчонке, а ведь не сломалась, не изгадилась, как сейчас это началось, и судит, как большой мужик. Думаю, повезло Володьке, дождался свою радость.

А Игнат после третьей рюмки вдруг решил:

– Раз задумано, нечего kota за... ну, короче говоря, тянуть с этим делом не будем. Решили пожениться – мы с матерью и сосед с нами – согласны. Значит, так: завтра Октябрьская, митинг будет, я председателя сельсовета с трибуны сдёрну, десять минут, и вы муж и жена.

Никак не могу понять, как он быстро всё сообразил:

– Брательник с утра кабанчика обгоит, сестра солонину достаёт из погреба, столовские девчонки пособят в колхозной столовой всё, что надо, приготовить и на столы поставить. С утра заводит «Жигули» и в район, надо невесте самое лучшее платье и жениху добрый костюм. Дочкам список гостей, чтобы всех обежали, и в три часа садимся за столы.

Дивную свадьбу ребятам сыграли. Друзья Володькины тоже молодцы, рванули в город, а что привезли – не сказывают. А когда сельсовет зачитал про мужа и жену, приволокли берема красных роз и невесту по самое личико ими украсили. И слёз было, и смеху.

* * *

Утро после того колхозного собрания выдалось необычное. Ещё вчера метелило и ветер переносил поздний снег от забора к забору, а нынче притих, словно присмотреться хочет. Звёзды неба не покидают, хотя уж вроде светает. Фонари на столбах горят ярче прежнего, а машинный двор прямо твой аэродром, Владимиру приходилось летать в Москву на ВДНХ как передовику, видел и запомнил. Зашли в красный уголок, друг над дружкой подшучивают, а волнение есть. Тут же представитель из бухгалтерии. Заведующий машинным двором, пожилой механизатор Гавриил Евсеич сказал:

– Мужики, раз уж договорились, давайте спокойно и без шума. Я так понял, что начнём с тех тракторов, кто на чём работал. У меня бухгалтерские выписки по паям на руках.

– Обожди, Евсеич, а ежели мой трактор на ладан дышит? И мне его брать? – закричал Проня Волосатов.

Мужики зашумели:

– А кто его довёл до ручки?

– Ты по осени масло сменил? Нет, так и газуешь, а из него, несчастного, дымище, как из паровоза.

– Договорились, Проня, и не дёргайся.

Гавриил Евсеевич разложил бумаги, и стали к нему подсаживаться те, кто оказался во главе за ночь образовавшихся кооперативов. Все следили, подсказывали.

– Мужики, нельзя так. У Михаила новый трактор, у Мити почти новый, да им ещё МТЗ из ремонта. Так на всех не хватит.

Евсеич кивнул:

– Верно. Надо, ребята, по возможности честно всё поделить, вам ведь в одной деревне жить, одни пашни пахать. Чтoб без злобы.

Не обошлось. Аркаша Захаров захотел «Кировца», а работает на «Беларусе». А кто же отдаст добровольно? К тому же Евсеич поднял руку:

– Аркадий, у тебя на «Кировца» и денег не хватает. Ты окстись, ведь надо ещё инвентарь брать, ты на тракторе не по ягоды ли собрался? А чем пахать, сеять, где сцепки, диски, культиваторы?

Владимир тоже сел, разложил свои и товарищей свидетельства на имущественные пай. Трактора свои записали, инвентарь по списку, ещё ночью составил, и попросил из гаража пару машин, «Зила» и «Газика». Евсеич проверил: есть по спискам такие машины. У заведующего машинным двором полный порядок. Отписали тебе технику – он вручает технический паспорт. Вышли из душевной конторки, шестеро мужиков, документы на четыре трактора, два комбайна, автомашины, прицепной инвентарь. Владимир предложил:

– Давайте перегоним технику на склад, там и охрана есть, да и склады потом делить придётся. Там и база наша будет.

В конторке шум, похоже на драку, клубком мужики выкатились во двор. У Прони Волосатого всё лицо разбито, дулом орёт, что «Кировец» никому не отдаст. А бил его Ильяха Жабин, его это трактор, потому он прав. Проня вырвался, метнулся к гаражам. Когда сообразили, «Кировец» ворота вынес с петель и на выход, Ильяха наперерез, встал, руки раскинул. Так его Проня и сбил. Вылез из кабины, всего трясёт, бухгалтерша в больницу и в милицию позвонила. Проню заковали в наручники, капитан стоял над трупом и раскачивался в своих чистеньких хромовых сапогах:

– Это, господа, начало капитализма, борьба за частную собственность, передел. Там, наверху, делят заводы и прииски, а вы ржавое железо, которое на ваших огородах превратится в металлолом.

Гавриил Евсеич не удержался:

– Зачем вы так над народом, товарищ капитан? Люди жить хотят, выжить, вот, собрались, чтобы всё по-честному поделить. Но не всем понравилось. Илью, как жертву перестойки, зароем, а Про-

ня пойдёт тайгу пилить. Но техника будет работать, я знаю, не все сумеют, но многие преодолеют сами себя, поднимутся. Мы же такое уже проходили, после войны на коленках стояли, всё одно поднялись. Видно, только в русском мужике и есть эта сила, чтоб над собой подняться. Не улыбайся, капитан, приезжай, когда майором станешь, поглядишь на наших соколов. А я уж сейчас вижу их с красными флажками на комбайнах...

Только к вечеру следующего дня управились, поставили всё в ряд, кто-то краски притащил, решили на бортах название кооператива написать. А какое? Хоть и устали, а посмеялись, сели в кружок на брёвнышки, стали перебирать – ни одно не нравится. И Владимир вспомнил, отец рассказывал, что после войны объединяли колхозы в деревне в один и назвали его «Красная Поляна». Мужикам название понравилось, только Арыкпаев ворчал, что длинное, писать долго, он предлагал «Луч» – не приняли. Барабенов дверной замок у «Зила» перебирал, спросил:

– Ерик, а у тебя по русскому в школе сколько было?

– Три, – гордо ответил Арыкпаев.

Барабенов захохотал:

– Шеф, как бы не пришлось работу над ошибками...

– Грамотно пишу, не мешай, – огрызнулся Ерик.

Надцонов вытер руки, подошёл:

– Ничего, мужики, потеплеет, попрошу Весту, она нам красивый трафарет вырежет, и мы всю технику покрасим одинаковой краской, сначала ржавчину сведём, а потом и название напишем.

* * *

Надцонов не любил март. Мутный месяц, для крестьянина непонятный: то метелью хлестанёт дня на три, то спрячет ветра, растолкает облака, чтобы показать народу солнышко. А то вдруг морозец начнёт прижимать, да не шутейно, хоть полушубок из кладовки доставай. Оттого и не любил Владимир Надцонов, что март никакой возможности не давал угадать, каким будет апрель. С первым солнечным апрельским просветом стаскали на полевые обочины всё своё хозяйство: диски и культиваторы, бороны и катки. Что вперёд потребуется, а что так и останется до конца посевной быгать на кромке поля – только время покажет.

Весна пришла степенная, крестьянская, днём снега гонит, ночью холод не пускает, пусть влага в землю уходит, для хлеба, для урожая. Мужики семена поделили, несколько раз на ворохах схватывались, но разошлись мирно.

Владимир съездил в район, оформил крестьянский кооператив «Красная Поляна», хотя в земельном комитете барышня не соглашалась на «красную», предлагала взять «ясную», мол, всем знакомо и никакой политики. Сходил к председателю комитета, тот подписал. А заодно и спросил, видно, слышан, как разделили колхоз, и знает ли он, что их Ежовкин назначен начальником управления сельского хозяйства. Надсонов вида не подал, но неприятный осадок в душе привёз и с товарищами поделился.

– Володя, да хрен с ним, с Ежопкиным, будем робить и на него не оглядываться. – Сергей Барабенов возился с трактором и вроде не придавал особого значения тому, что говорит. – А я вам скажу. Вчера попросил своих хулиганов обойти усадьбу Ежопкина и глянуть, что у него за сараями под навесом, а заодно и на крышу сарая забраться, заглянуть, что во дворе. Результат: в ограде «Камаз» самосвал и «Беларусь», а на задах под навесом и соломой гусеничный «Алтаец» и «Дон» зерновой.

Мужики оставили свои дела и подошли к Сергею.

– Откуда? Вроде ничего не было слышно.

– Проня Волосатов ему всю технику из района ночами перегонял, сам брякнул под стакан, что теперь он первый человек в колхозе, на особом доверии у председателя.

Владимир усмехнулся:

– А мы удивлялись, почему Проня за явное убийство получил поселение. Да, ребята, всё меняет-ся на ходу, и не в лучшую сторону. А что будем делать с техникой? Он же её в любое время спрячет.

Попросил Весту проверить по бумагам, есть ли такая техника в колхозе и откуда взялась, она нашла платёжные документы, но все четыре единицы переданы по акту птицефабрике в погашение долгов. Надцонова колотило от злости: вместо того чтобы выдать колхозникам хоть что-то, председатель последние копейки пустил на технику. Всё продумано, у фабрики много земли, техника нужна, сдаст в аренду и будет жить королём. Тем более теперь, при такой должности. А где правду искать? У главы района? У прокурора? В суде, который оправдал убийцу?

Сергей Барабенов решил проблему просто:

– Ночью пробраться и в топливные баки сахару насыпать. Движок сразу накроется.

Аверин поддержал:

– Хоть как-то навредить.

Надцонов махнул рукой:

– Противно мелко пакостить. Да ничего это и не изменит, движки отремонтируют и вперёд.

Был у него план. Платёжные документы из бухгалтерии Веста скопировала и подменила: копии в папки, а подлинники мужу. В доме Ежовкина жена и ребёнок, пугать никак нельзя. Хороший человек сообщил по телефону, что купили Ежовкину особняк главврача, того в область перевели. Узнать бы, вдруг супруга на смотрины поедет. Братишку своего от школы освободил, велел глаз не спускать с Ежовкинского дома. И вот прибежал парень, дыханье перехватывает:

– Братка, легковушка подошла, женщина с девочкой сели и уехали.

– Номер машины я тебе велел...

Мальчик подал бумажку. Нашёл бывшего водителя председательского, он районные номера знает, подал бумажку:

– Да, машина начальника управления. Ежопкин, скотина, обещал к себе взять – обманул.

Прибежал к складу, собрал своих.

– Распутицы он ждать не будет, гусеничный ладно, а комбайн по огороду не пойдёт. Время у нас нет, жена посмотрит особняк и вернётся.

– И что? – чуть не хором спросили мужики.

Надцонов напрягся, аж шапку в руках сжал:

– Разом заводим все технику и выгоняем на площадь, под самого Ленина.

– Володя, это же топливо надо, воду...

– Топливо в баках должно быть, не на последних каплях они из района пришли. А воду каждый по канистре – приволокём.

Аверин охватил голову руками:

– Мужики, пересадят нас, точно говорю. Угнать со двора – всё равно, что украсть.

– Но ворованное украсть – большая разница. К тому же мы не к себе в ограду, а на общий вид. Пусть завтра народ полюбуется. – Владимир и сам себе не очень верил, что говорил, но нет иного способа накрыть проходимца. – Подожди, парни, это не кража, это изъятие вещественных доказательств. Вызовем нового прокурора, документы предъявим.

– Вова, только настоящие бумажки им не отдавай, захарлят, копии сделай.

– Уже наделал, – успокоил Надцонов.

Арыкпаев засмеялся:

– Володьша, будешь адвокатом в суде, такие слова знаешь!

Решили сегодня, после полуночи. Андрей Аверин, десантник, через забор перемахнул, открыл калитку. Залили воду, подождали, когда за сараями загудело. Распахнули ворота, «Зил» и «Беларусь» выскочили быстро. Надцонов запер ворота и вернулся через забор. Гусеничный трактор и комбайн шуму наделали, но деревня спала. Выехали на площадь, Надцонов выскочил из кабины и отмашкой выстроил технику в ряд. Заглушили моторы, быстро слили воду. Владимир вынул из-за пазухи кусок ткани, растянул вокруг кабины «Дона». Даже в темноте хорошо читалось: «Это украл Ежовкин». Веста по его просьбе написала белилами.

– Ну что, жулики, по домам? – спросил неунывающий Арыкпаев.

– Расходимся. Утром к восьми надо быть здесь. Я прокурору позвоню.

Что там в восемь – в семь все были на месте, редкие любопытные проходили мимо и вопросов не задавали. Надцонов сбежал в контору, позвонил, прокурор его выслушал и сказал, что немедленно выезжает. Он подъехал через час, представился, обошёл площадку с техникой, попросил лозунг снять. Через полчаса подъехала целая колонна легковых машин, выходили из них солидные люди в красивой одежде и с красивыми портфелями в руках.

– Ну, робя, на них нас и увезут, – хмыкнул Барабенов.

– Ага, губу раскатил, под нас «воронок» подгонят.

Надцонов глянул на своих:

– Только спокойно, я отвечаю.

Ежовкин сразу кинулся на Владимира, Аверин вышел вперёд – высокий, крепкий и наглый.

– Тебе кто дал право, нищерброд хренов, по чужим дворам лазить? На каком основании? Да я тебя в тюрьме сгною!

– Кто старший, с кем говорить? – спросил прокурор.

– Я. Надцонов Владимир Игнатьевич.

– Принято. Что за техника, как она здесь появилась?

– Да они... – пытался крикнуть Ежовкин, но прокурор остановил его.

– Я вас пока не спрашиваю. Продолжайте.

Надцонов спокойно (сам удивился) всё рассказал, показал копии платёжных документов и договоров передачи техники в аренду.

Прокурор внимательно посмотрел бумажки и поднял голову:

– Надцонова и Ежовкина прошу пройти в администрацию, милиции обеспечить сохранность техники.

– Я заместитель главы района, здесь директор птицефабрики. Товарищ прокурор, надо бы поговорить.

Владимир только сейчас заметил, что прокурор совсем молодой, форма на нём с иголки, чувствует себя хозяином положения.

– Господа, у меня к вам пока вопросов нет, если что появится, вас пригласят повесткой. А пока свободны.

– Чёрт знает, что творится! – возмутился директор птицефабрики. – Втянул меня Денис Кириллович в историю, тюрьмой пахнет.

Заместитель главы похлопал его по плечу:

– Не журишь, завтра вернётся глава района, он этот вопрос разрулит.

Ежовкин подёргал ручку дверей «Зила» – закрыто на замок.

– Что, Денис Кириллович, не своё оно и есть не своё. Шепни «сим-сим, откройся», – засмеялся заместитель главы.

В кабинете администрации Надцонов ещё раз рассказал всё по порядку, прокурор слушал молча, не перебивал. Владимир не выдержал:

– Гражданин прокурор, мы жулика разоблачили, хоть и большой начальник. Он и в колхозе крал, что плохо лежит. Так неужели нас теперь под суд, а он смеяться будет?

Прокурор прошёлся по комнате, встал напротив Надцонова:

– Во-первых, я для вас не гражданин, а товарищ прокурор. Во-вторых, дело это будет крупным, уж я позабочусь. Уже сейчас могу вас заверить, что никого из вашего коллектива я обвинять не собираюсь. Вас вызовут, когда потребуется, а пока работайте спокойно. Да, технику с площади надо убрать и обеспечить сохранность. Вы свободны. Скажите Ежовкину, пусть войдёт.

Через полчаса прокурор вышел, ни с кем не разговаривал, сел в свою машину и уехал. Компания переглянулась – и тоже по машинам.

Прокурор не просто прошёл мимо местного начальства, он продемонстрировал полную от него независимость. Молодой человек уже выстраивал известные ему события в громкое уголовное дело по борьбе с хищениями должностными лицами материальных ценностей в крупных размерах, а тут и злоупотребление служебным положением, и сговор с целью получения выгоды, здесь коррупция в чистом виде. Он хотел сделать карьеру, и он её сделает, этим громким делом покажет всем, что прокурор строго следует закону, не обращая внимания на чины и звания. Он сделает всё, чтобы добиться для Ежовкина обвинительного приговора и реального, не условного, срока заключения. Вот тогда имя прокурора прогремит на всю область и, безусловно, дело будет зачислено в его положительный актив.

* * *

Первая самостоятельная посевная запомнится Надцонову на всю жизнь. Прежде всего схватились за пайщиков, ведь своей земли немного. Пошли по родне, по соседям, сразу встал вопрос о цене, старый колхозный бригадир Ерохин сказал, что он свой и старухин пай дешевле чем за пять центнеров чистого зерна не отдаст.

– Дед Киприян, ну как я могу тебе на берегу, ещё и подошвы не замочив, сказать, что добуду? Ты же старый крестьянин, а если совсем не уродит, тогда как?

– Тогда, мил человек, продавай машину и мне расчёт деньгами... по цене рынка. (Едва вспомнил!) А нет, так я кому хошь отдам.

Быстро обежал новоявленных председателей:

– Мы какие-то бестолковые. Мужики-то вперёд нас столковались, что в договор писать три центнера чистой пшеницы и по два ячменя или овса.

Иван Чёрных, толковый мужик, втоптал окурок в землю:

– Условие такое, только на первый год: пшеницы два, серых – один. Время есть, подёргаются и согласятся. Только, чур, клиентов не перевербовывать, ценой не играть, это при капитализме... чёрт, вчера учил, забыл. А, штрейкбрехерство. Ясно?

Все засмеялись.

Долго решали, кому какая земля отходит. Выложили списки пайщиков и общую площадь, об этом не говорили, но понимали, что нынешнее решение навсегда. Каждый знал все поля и их возможности, потому на карту были поставлены пять самых больших и урожайных пашен. Написали бумажки, свернули трубочками, кому что... Сразу обиды: «Ну, я так и знал...» Чего ты мог знать, когда всё в открытую? С остальными землями проще. Приняли, что другие участки надо привязывать к основному полю, смотрели по карте, сверяли с набранными паями.

– Не согласен. Вот у меня выписана урожайность по каждому полю за три года. Вы мне подсовываете Рямиху, а Надцонову отходят Зайчиха и Клин, урожайность в полтора. Разве честно?

Надцонов посмотрел на карту, кивнул:

– Верно, бери Клин, он к тебе ближе, а я Рямиху забираю.

Все ждали выхода в поле. Природа всегда испытывает крестьянина на терпение. Солнышко пригрело, согнало снежок, на пашню только в болотных сапогах, но идёт мужик, ковыряет оттолкнувшую землю. Лежит сорняк, вида не подаёт, значит, ждать долго. Тогда ещё раз посмотреть сцепы борон, покачать гусеницы на тракторе – не прослабли? А потом в склад, весь день все ворота и окна открыты, сколько позволяет площадь, распахивают семена широкими лопатами, чтобы согрелись. Надцонов улыбнулся: в детстве гоняли ребятшек из школы, чтобы зерно разгрести, и называли это учёным словом яровизация.

Через пару дней выволокли сцепы с боронами на кромки полей, тут уж вовсе у пашни обедать приходится. И наступает день, когда с утра прошёл по полю с полкилометра, да, местами сыровато, но шевелить корку надо, чтобы сорняк спровоцировать. Загудел трактор, ворвался в податливый грунт зяби, и пошла работа. Надцонов не сразу поймал прыгающее сердце: свою пашню работаю, свой хлеб буду растить. Нет, не клял колхозную бытность, при ней вовсе беззаботно жил, всё за него добрые люди решали, надо было только за рычагами следить. А тут – сам. И гордо, и страшно, ведь до самой малой капельки знал он всю эту беспокойную стосуточную жизнь, от первого весеннего боронования до потока зерна из бункера комбайна в кузов самосвала, и теперь ему вместе с товарищами придётся пройти весь этот путь.

К вечеру притащили вагончик, позаимствовали у плотников, уже по темноте заглушили трактора, вскипятили чай. Молчали. То ли устали настолько с непривычки, то ли не осознали ещё, как Надцонов, своего нового положения. Барабенев не утерпел:

– Кормильцы России, поделитесь, что наработали? А то я вроде как не при делах.

Надцонов засмеялся:

– Завтра садись за рычаги, дня на три хватит, а я другим делом займусь. Ты с заправщиком договорился?

– Нормально. Обещал, стоянку я назвал.

– Шеф, а ночью будем робить?

Владимир улыбнулся, но вида не подал: Аверин холостяк, погулять охота.

– Будем, Андрюша, вот на культивацию выйдем. Только – чур! – твоя ночная смена.

Аверина проводили смехом. Агрегаты оставили в поле, на «уазике» Владимира разъехались по домам.

* * *

– Должен я рассказать, как Володька Надцонов на Красную Поляну вышел, по-серьёзному, по-крестьянски. А то нарисовал на тракторе «Красная Поляна» и думал, что это хорошо...

Как-то пришла ко мне учительница.

– Дорогой Антон Николаевич! Приглашаем вас в школу, с ребятами поговорить.

Я сильно удивился, потому что никогда раньше не звали, ораторы были штатные, правильные, лишнего не сболтнут. Часть из них уже в мире ином, как говорится, другие, видно, занемогли, и ока-

зался я перед большим залом, полным ребятишек. Прежде у учителей спросил, про что рассказать, а они рукой махнули: про свою большую жизнь. Ну, думаю, оставлю сегодня орду без обеда.

Начал с того, что родился я как раз в разгар кулацкого восстания, вот памятник стоит жертвам. Правда, теперь говорят, что это крестьянское восстание против власти, может, так оно и есть. А потом началась коллективизация, крестьяне весь скот и весь инвентарь, какой был, передавали колхозу, это я уже чуток помню. А он, сорванец, руку тянет:

– А сейчас наоборот, всё колхозное разбирают по дворам. Значит, колхозы плохо работали?

Гляжу на учителей, они подбадривают.

– Колхозники, если не ленились, работали хорошо, вон у вас в коридоре доска с портретами, доярки и механизаторы, другие тоже – все при орденах. И зарплата была хорошая. Вот скажите, может ваш отец за уборку заработать на мотоцикл «Урал»? Нет, конечно, потому что и мотоцикл стал стоить дороже легковушки, и зарплату чуток прижали. А я, было время, заработил, когда уже техника пошла сильная, мне первому дали «Кировца», я на нём за осень вспахал тысячу гектаров зыби.

– А это сколько?

Тут учительница приходит на помощь:

– Ребята, тысяча гектаров – это поле размером десять на десять километров.

Ребятишки захлопали в ладоши. Рассказал им про войну, сказал, что смотреть фильмы современные по телевизору не надо, там всё врут. Война – грязная и кровавая штука, ещё голодуха зачастую. Но – куда деваться, шли в бой и побеждали. Хоронили убитых. Каждый знал, что завтра тебя могут похоронить. Ничего, доползли до Берлина.

– А Гитлера вы видели?

Я помолчал, потом сказал:

– Видел, дети мои, я эту сволочь каждую минуту видел, и когда в прицел смотрел, и когда гранату кидал – я его видел, в него целился.

Рассказал, какая деревня была в войну и после, как тяжело было женщинам и ребятишкам. Плуги на себе таскали, не то что бороны. Потом полегче стало, а в пятьдесят каком-то году нашу деревню свели в один колхоз, и назвали его «Красная Поляна».

Девчонки заахали: «Как красиво!» – а учительница спрашивает:

– Антон Николаевич, откуда возникло такое красивое название?

– Расскажу. Если пройти между двумя холмами, ну, вы понимаете (какой-то сорванец захихикал), то через километр примерно будет вам большая палестина чистойшей земли. Вокруг бурьян растёт, его и не косит никто, только козы да лоси питаются. А раньше вся поляна была покрыта красным цветом, я не знаю, что были за цветы, только сразу с прихода она была как красное море цветов. Девчонки на свадьбы срезали, да и так просто ставили в банках на подоконники.

– А дальше?

Я помолчал. Как сказать о людях, у которых понятия нет святого и чистого? Началась целина, и председатель, не наш был, присланный, велел поляну перепахать. Что только ни сеяли – ничто путём не растёт. И цветов не стало, осталось одно название.

Загрустили мои слушатели, притихли. Я тоже взгрустнул, а потом осмелел:

– Вот теперь начались большие перемены, из одного колхоза сделалось пять или шесть. Никто не скажет, хорошо это, плохо ли, только думается мне, что другие, лучшие, красивые времена настанут, когда зацветёт Красная Поляна, тем же цветом или иным, но чтобы светло от неё шло и радость.

Поблагодарили меня, наградили большой коробкой конфет, которые мы тут же с девчонками разыграли. Пришёл домой, прилёт, а Красная Поляна с ума не сходит. Был я там прошлым летом, большая, гектаров пятьдесят будет. И почему ничто не растёт, кроме тех цветов? Надо будет Владимиру подсказать, он мужик толковый, в сельхозинститут поступил, говорит, надо для дела. Довёл его до белого каления, он махнул рукой:

– Ладно, дед, садись в «уазик», копнём грунт на Красной Поляне.

Земля ещё толком не отошла, но три куска мы добыли, закинули в пакет. Владимир пообещал, что сvezёт в лабораторию, определят, что за почва. А уже через неделю подъехал, сигналил:

– Дело, Антон Николаевич, не простое, почвенники анализ сделали и ума не могут дать, что произошло на этой поляне. Я им наковырял в трёх местах в стороне, говорят, нормальная земля, способная для воспроизводства. А та – нет, непонятно как, но уничтожены в ней многие вещества, которые нужны для культурных растений. Понял?

Конечно, я ничего не понял, но на всякий случай кивнул. И спросил осторожно, а можно ли то, чего не хватает, добавить?

– Конечно, дед, вот и список, чего и сколько надо. Я уж прикинул: приличные деньги.

На том и расстались.

Вечерами Владимир объезжал поля, на каждом останавливался, заходил с края, отмечал в тетрадке, много ли сорняка, не изрежен ли посев, срывал колосок, жал в руке, считал, сколько зёрнышек завязалось. А в конце августа уже входил в поле, не боясь помять высокую пшеницу – поднимется, проводил раскрытой ладонью по верхушкам колосьев, ощущая их энергию и будущую силу. Владимир понимал, что это теперь его жизнь, его любовь, столько трудов вложено – не бросишь. Какое там! На днях парни всерьёз заговорили о животноводстве, правильно сделали, что заварили железом ворота и окна фермы, надо до уборки провести там ревизию оборудования. Если всё нормально – брать кредит и закупать нетелей в Кургане. Всё лето сено готовили, часть продали, остальное надо тормознуть. Судя по видам на урожай, можно будет выдать пайщикам по три центнера пшеницы, хотя они и так не бедствуют, в кооперативе, который с первого дня стали звать колхозом, выписывают всё, что надо для хозяйства.

Слёг отец Игнат Никонорович, велел устроить ему лежанку в маленькой горенке, мама от него не отходит. Всё сказалось. В войну хлеба не видели, не то что не ели, только картошка. Спасибо корове Красуле, осенью растелится, всю зиму хоть кружечку, но каждому молочка мать плеснёт. А в морозы заводили Красулю в избу, чтоб не замёрзла.

Сёстры ещё школьницы, брат учится на механика сельхозмашин. А сёстрам Владимир строго сказал: «На первый случай, девчонки, техникум, одна ветеринар, другая зоотехник. Сами определитесь. Большое хозяйство будем разводить, специалисты нужны. Да, насчёт замуж... Только сюда, дома уже строим, так что к городу шибко не привыкайте, а парней присматривайте деревенских». Позже понял, почему улыбнулись близняшки: женихи-то, похоже, уже есть, с учёбой сложнее...

* * *

Но и Владимир заразился Красной Поляной, если его кооператив имя себе такое взял, то надо и поляну ту к жизни вернуть. После посевной поехал в область к учёным людям, узнал о специальном институте, который занимается недрами. Попасть к учёным оказалось довольно просто, сначала его пригласили в кабинет, расспросили, что конкретно интересует молодого человека. Узнав, что пред ними дилетант и вопрос его носит чисто познавательный характер, Володю отвели на третий этаж в большую комнату, уставленную книгами. «Библиотека», – подумал он, и не ошибся. К нему вышла довольно пожилая дама, одетая в синий халат, усадила за стол, напоила чаем, а потом спросила, что его волнует. Володя рассказал о красивых цветах, поднятии целины, абсолютном бесплодии тамошней почвы, показал заключение почвоведов. Дама принесла карту и попросила указать это место. Надцонов явно растерялся: «Надо было на уроках географии не Нинку за косу дергать», вскользь подумал он, но учёная дама уже нашла и деревню, и Женские Груды, и поляну по ту сторону.

– Будьте любезны, посидите некоторое время, мне нужно отыскать один интересный материал.

Она ушла и отсутствовала так долго, что Надцонов успел уснуть и, видно, с храпом, потому что дама, будто случайно сдвинув стул, сказала:

– Да, не перевелись ещё богатыри на Руси!

Потом положила на стол машинописную книжку, долго искала нужное место, наконец, предупредительно подняла палец:

– Слушайте, коллега.

«В 17 веке Сибирь буквально поливали метеориты, карты местности от Оби до самого Урала испещрены следами их падений. Одновременно на картах видны ленточные следы взрытой земли, что не все учёные склонны относить к движению ледниковых пород и считают их чуть ли не рукотворными. Но очевидных подтверждений этих предположений нет.

Среди уникальных последствий падения метеоритов отмечают взрыв в районе между реками Иртыш и Ишим, маленьким притоком Тобола. Специалисты считают, что метеорит падал под острым углом к земле, на высоте нескольких километров взорвался и двумя мощными потоками осколков встретился с землёй. Сила столкновения была столь велика, что энергией удара выбросило большое количество грунта, который впоследствии превратился в два рядом стоящих высоких холма, поросших лесом. Лес поселенцы с западной стороны свели, а на восточной место выброса грунта постепенно

выровнялось и сегодня имеет вид чуть углублённой площадки. Странно, что вся площадка окружена лесом, на самой же поляне растут красивые цветы, которые пользуются большой любовью молодёжи».

– Узнаёте? – спросила она и улыбнулась. – Это исследование очень талантливого учёного Драверта, но оно не было опубликовано. Да... А вы не выяснили, какие цветы росли на сей поляне? Очень жаль, возможно, они прижились бы вновь. Но это не к нам, это в институт сельского хозяйства.

– Так я там и учусь, заочно, правда, в молодости ума не хватало, а теперь без знаний никуда.

– Простите моё неуместное любопытство, но где вы работаете?

– Крестьяне мы, землю пашем, хлеб растим.

Дама всплеснула руками:

– Господи, если крестьяне стали интересоваться тайнами науки, она никогда не погибнет. Вот вам копия той странички, и всех вам благ.

На кафедре растениеводства Володю пытали, какие красные цветы росли на той поляне? Их сотни разновидностей. И требовали образец. А какой образец, если поляну перепахали полвека назад? Домой приехал туча тучей, Весте всё рассказал, с горя рукой махнул.

– Родно моё, – улыбнулась Веста. – Обратись к школьникам, у их бабушек обязательно могли быть эти цветы в книжках или альбомах. Ты же говорил, что молодёжь когда-то любила эту поляну. Иди в школу.

Директор отнёсся к этой идее с пониманием, на большой перемене объявили всеобщее построение, докладывал Владимир Игнатьевич. Всю историю рассказал, и про метеорит, и про учёного, и про взрыв прочитал распечатку из книги.

– Ребята, у ваших бабушек могут сохраниться книги или альбомы, тогда модно было стихи и песни записывать, а между страничками выкладывать цветы. Я помню, у мамы такой был, но мы уже ничего не нашли.

На другой день сразу две девушки и мальчик принесли Надцонову заложенные в книги засохшие, хрупкие, но сохранившие цвет растения. Владимир аккуратно переложил их в толстую тетрадь и через три дня был в институте.

– Вот это другое дело, – поправляя очки, заявил профессор Власов. – Теперь никакого труда определить, что это за вид. Друзья мои! – Он подозвал нескольких студентов. – Кто определит вид этого цветка, ставлю зачёт автоматом.

Ребята и девушки склонились над растениями, уже уложенными в плотные бесцветные пакеты.

– Профессор, это жарки. Нет?

– Увы!

Разглядывают, перешёптываются:

– Я думаю, что это купальницы, только это очень старый гербарий, сегодня купальница чуть другая, так мне кажется.

Профессор засмеялся:

– Проще мыслить надо, друзья мои, ближе к земле.

– Мне кажется, это мак-самосейка, – смущённо предположила студентка.

Профессор захлопал в ладоши:

– Вам правильно кажется, но Сибирь – не его ареал произрастания. Вы говорите, молодой человек, что это поляна? Она открыта всем ветрам или в низине и защищена лесами?

Володя кивнул:

– Точно, она как чаша.

– Вот! – Профессор многозначительно поднял руку. – Благодаря этому над поляной образуется как бы особая климатическая зона с повышенной влажностью и мягкими температурами. В незапамятные времена ветра, птицы или чёрт знает кто могли занести сюда семена мака. А коли условия приличные, они взошли и дали потомство. Итак, вы довольны, молодой человек?

Надцонов, конечно, был очень доволен, но...

– Профессор, где можно купить семена этого растения?

Тот пожал плечами:

– Едва ли где оптом, ибо дикорастущий вид, семена никто собирает. Но вы можете поехать в места массового произрастания, например Северный Кавказ, набрать головок сколько угодно.

– Подождите, так это мак с головками? У нас его в каждом огороде полно. Мы его в детстве горстями если.

Профессор засмеялся:

– Вы кушали, извините, горстями культурный мак, кстати, он запрещён и объявлен наркотиком, так что аккуратней. А тот имеет очень маленькую семенную коробочку. Уверен, насобираете, сколько надо. Очень даже может быть! Желаю удачи!

Студентка смущённо подняла руку:

– Профессор, но должны быть в южных городах организации, которые занимаются украшением города цветами? И у них могут быть семена.

Профессор согласился:

– Да, интересная мысль. Попробуйте списаться с ними. Время ещё есть.

– Спасибо вам!

Надцонов поблагодарил студентов, пожал руку профессору и вышел, полный надежд.

* * *

Нынче Надцонов обновит американский почвообрабатывающий посевной комплекс с «Джон Диром», ждёт, приедут ребята из техноцентра, настроят, первый день проследят за работой.

– И сколько ты в него влупил? – спросил вечно недовольный Аркаша Захаров, тоже фермер, но, похоже, бизнес выходит на финишную прямую. Пить вино и растить хлеб одновременно ещё никому не удавалось. Аркаша уже продаёт остатки техники, Надцонов железо брать отказался, а часть пайщиков неудачника принял.

Трактор сгрузили с платформы и загнали в ангар, Владимир освободил место, чуть сдвинул семенные вороха. Спроси бы кто другой, поближе и доброжелательней, не Аркаша – рассказал бы на радостях, сколько в банках бумаг писал и печатей ставил, сколько раз заманивал его начальник лизинговой компании, такие картины рисовал, что комплекс чуть ли не в подарок мужик получает. И только случайная встреча с заместителем директора департамента по селу спасла Владимира от пролёта.

– Подожди, вроде в вашем районе ещё нет комплексов? – вспомнил начальник.

– Нету, – согласился Надцонов, – омскими сеялками спасаемся.

– И как, получается?

– Нормально, три года уже, вот, в люди выходим. Конечно, хотелось бы своё, русское.

Начальник кивнул:

– Очень бы хотелось, перед крестьянами стыдно, как сутенёры проститутток, сбываем иностранный товар. Проекты есть, опытные образцы есть, но кому-то выгоднее купить в Канаде или Штатах. Скрипим зубами... Но, брат, ты веры не теряй, ещё успеешь поработать на русской технике. Успеешь. Дай-ка твои бумаги. – Он долго перебирал объёмистую папку, выложил наверх несколько документов. – После обеда, в два часа, подходи, вместе зайдём к директору, я его подготовлю. Выведем тебя прямо на поставщика, без посредников, это приличные деньги тебе спасёт.

Надцонов помялся, взял папку, в глаза не смотрит:

– Прощения прошу, не в курсе таких дел. За эту льготу платить надо?

– Кому? – спросил начальник и улыбнулся: – Тебя в лизинговой напугали, что в департаменте надо взятку давать? Твою мать, доберусь. Мы эту линию используем для поддержки начинающих. Ладно. Жду.

Не стал ничего объяснять Захарову, закрыл ангар, бункер, шланги и электромоторчики пологом обтянул, а вечером привёз Ваню Хроменького, мужик трезвый и без работы. Велел подтапливать избушку и смотреть, чтобы к комплексу никто не подлез.

Только бы погода не подвела. Крестьянину испокон веку надо, чтобы в последней декаде апреля было тепло, чтобы зябь трактор с боронками приняла, чтобы сорняк, особенно овсюг, на радостях выщелкнулся, вот тут его под нож культиватора или дисков. Тогда можно пашенку готовить под посев. Опять желательно, чтобы в майские праздники обильно помочило, но потом тепло и чтоб безветрие. Ветер в такую пору страшный враг, тоннами воду высасывает. Ну, тогда с десятого по двадцатое мая ни бани, ни бабы, перекусить на ходу парой котлет, запить холодным квасом – супы и пельмени, баня жаркая и подзабытые жёнины ласки будут потом.

Пришла долгожданная посылка из Сочи с семенами мака. Надцонов вскрыл ящик, сверху письмо:

«Дорогие сибиряки, мы очень рады, что в вашем суровом крае вновь зацветут маки. Мы специально взяли более жёсткие сорта, потому что хоть и особые условия, как вы пишете, в Красной Поляне, но всё равно это не юга. Потому советуем высеять их при температуре почвы не ниже

10 градусов, высеять грядками вручную, просто развеивая семена не очень плотно. И сразу непременно прикатать и полить. Грядками потому, чтобы можно было при нужде полить, подкормить или подлечить. И постоянно наблюдайте, особенно в первый год. Коробочки с семенами начнут созревать уже после увядания самого растения, хотя могут и раньше. Так что не переживайте, время от времени вскрывайте одну коробочку, сразу видно, созревают семена или нет. Никаких денег оплачивать не надо, приказом директора эта посылка оформлена как подарок сибирякам. Желаем удачи и пишите постоянно.

Сотрудники Сочинского института декоративных культур».

Это Веста посоветовала Володе написать в институт, понятно, что и там перемены, но не настолько, чтобы совсем про цветы забыли. Весь вечер сочиняли письмо, получилось на трёх страницах, убедительное. И вот результат.

Утром Владимир съездил на Красную Поляну, прошёл вдоль и поперёк. Вернулся, ребята комплекс собирают, инженер из техноцентра подсказывает. Тоже включился в работу, к обеду закончили. Молодого Алёшку и настырного Арыкпаева отправляли на учёбу, «Джон Дир» – не «Беларусь», в кабине, как в самолёте. Ничего, проучились и экзамены сдали. Надцонов не удержался:

– Парни, есть возможность проверить агрегат, Красную Поляну надо под посев подготовить.

– Поделись, что ты там сеять собрался, – спросил въедливый Арыкпаев.

И тогда Надцонов поведал друзьям все свои хлопоты по изучению истории и возможности восстановления цветов на поляне. Даже молчаливый Барабенев не удержался:

– Молодец. Это тебе не овсюг дисковать.

На поляну поехали все вместе, Алёша за рулём, остальные в «уазике». Хотел Весту с собой взять, ведь и её труды и заботы, да на последних днях она, рожать скоро. Поднялись узкой дорожкой между холмами, спустились через лес, запущенный в последние годы, когда лесников вдруг сократили. Даже пожар в прошлом году начинался, большой колок выгорел, но отстояли. С декаду потом, до первого дождя, поочерёдно дежурили деревенские, а мальчишкам строго-настроено запрещено было в тот лес ходить.

Когда выехали на поляну, Надцонову даже показалось, что она обрадовалась, она его встретила, раскрыв широкие объятия своих окраин. Он тоже ей улыбнулся и, чтобы кто из мужиков не заметил, прошёл на середину и тихо прошептал:

– Ты уж прости нас, родная земля, что мы тебя бросили. Всё о брюхе своём печёмся, как говорит Антон Николаевич, а о красоте забываем. Вот от имени своих мужиков обещаю тебе, родная наша Красная Поляна, вернём мы тебе и красоту твою, и имя твоё.

Пожалел потом, что не взял с собой старика, обернулся, а он с холма спускается, ноги заплетаются. Завёл «уазик» и навстречу.

– Я ведь сразу смикитил, куда ты направился, да не успел прицепиться, одышка, чтоб она пропала. – Дед посерел лицом, взмок.

– Антон Николаевич, ты что, сердце клинит?

– От радости, ребята, на крыльях летел, успел, уж вижу Красную Поляну всю в цветах, вот она, красавица, как в старые годы, бывало. Я ведь, ребята, перед венчанием за цветами сюда ходил со своей Феклушой...

Он замолчал, прилёг на правый бочок и затих. Мужики оторопели. Владимир прислушался к сердцу, да так и уткнулся в костлявую грудь старика. Когда пришли в себя, тело загрузили в машину, Володя рванул к медпункту, сам не зная, зачем. Фельдшер выскочила, глянула на старика и кивнула:

– Вези домой, Володя, хоронить будем деда Антона.

Поехали в столярку, молча пилили и строгали сухие доски. Владимир уже не стыдился слёз, мужики знали, как дружны они были с покойным. В открытые двери столярки вбежали девчонки, Нюрка с Шуркой, сестрёнки Володины:

– Братец, Веста мальчика родила. Только что. Три восемьсот.

У Надцонова фуганок из рук выпал. Встал, обнял друзей:

– Ребята, душевное хочу сказать и вас призываю в соратники. Чтобы жила наша земля! Чтобы воспрянул наш род крестьянский и выросли цветы на Красной Поляне! А имя деда Антона будет жить в сыне моём. Цветами укроем мы нашу землю. Клянусь!

И заплакал навзрыд.